

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Научная статья

УДК 159.9.01

doi:10.24412/2073-0861-2022-1-5-23

НЕВЫРАЗИМЫЙ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЙ ОПЫТ —
ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ОСНОВАНИЕ
ПОНИМАНИЯ НЕМЫСЛИМОГО**В.В. Знаков**Институт психологии РАН, Москва, Россия,
znakov50@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0002-4594-051>

Статья посвящена психологическому анализу новой для российской психологии проблемы — понимания невысказанного. Ранее было обосновано, что когнитивные составляющие феномена сводятся или к невероятному, невозможному, тому, что трудно представить, или к чрезвычайному, исключительному по степени проявления. Экзистенциальное значение «невысказанного» связано с принятием или отвержением моральных и социальных норм поведения человека в обществе, с недопустимостью ситуаций, которые понимаются большинством людей как невысказанные. Новизна статьи заключается в переходе от категориальных определений невысказанного к психологическим механизмам его понимания. Обосновывается, что одним из них является невысказанный травматический экзистенциальный опыт. Приводятся примеры опыта, анализируется семантика невысказанного, выявлены три его основных значения: словесно «невысказанное» означает непредставимое, неопишуемое, превосходящее имеющиеся в распоряжении человека средства вербального представления; «невысказанное» может означать плохое, нежелательное или даже ненавистное; «невысказанное» — то, что нельзя произносить или говорить, квалифицирующее «священный» объект; о таком объекте нельзя говорить, потому что он находится за пределами профанного мира и его языка. Показано, что невысказанный травматический опыт (переживания последствий холокоста, проявлений зла, тяжелой болезни) указывает на то, что нельзя выразить в словах и способствует порождению внутриличностного конфликта, при котором субъекту одновременно надо и невозможно выразить невысказанное.

Ключевые слова: невысказанное, невысказанное, психическая травма, экзистенциальный опыт.

Для цитирования: Знаков В.В. Невысказанный экзистенциальный опыт — психологическое основание понимания невысказанного // Теоретическая и экспериментальная психология. 2022. № 1(15). С. 5–23. doi:10.24412/2073-0861-2022-1-5-23

GENERAL PSYCHOLOGY

Scientific Article

doi:10.24412/2073-0861-2022-1-5-23

INEXPRESSIBLE EXISTENTIAL EXPERIENCE — PSYCHOLOGICAL BASIS FOR UNDERSTANDING THE UNTHINKABLE

Viktor V. Znakov

Institute of Psychology of RAS, Moscow, Russia,
znakov50@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0002-4594-051>

Abstract. The article is devoted to the psychological analysis of a new problem in the Russian psychology of understanding — understanding the unthinkable. Previously, it was substantiated that cognitive components of the phenomenon are reduced either to the incredible, impossible, what is difficult to imagine, or to the extraordinary, exceptional in terms of the degree of manifestation. The existential meaning of the “unthinkable” is associated with acceptance or rejection of the moral and social norms of human behavior in society, with inadmissibility of situations that are understood by most people as unthinkable. The novelty of the study is due to the original approach providing transition from categorical definitions of the unthinkable to the description of psychological mechanisms of its understanding. It is substantiated that one of them is an inexpressible traumatic existential experience. The study considers examples of such experience, analyzes semantics of the inexpressible, and identifies its three main meanings: verbally “inexpressible” means unimaginable, indescribable, surpassing the means of verbal representation available to a person; “inexpressible” can mean bad, unwanted, or even hateful; “inexpressible” is what cannot be pronounced or said, qualifying a “sacred” object; one cannot speak of such an object, because it is outside the profane world and its language. It is shown that an inexpressible traumatic experience (experiencing the consequences of the Holocaust, manifestations of evil, a serious illness) indicates what cannot be expressed in words and contributes to generating an intrapersonal conflict, in which the subject needs yet cannot express the unthinkable at the same time.

Keywords: unthinkable, inexpressible, psychic trauma, existential experience.

For citation: Znakov V.V. (2022). Inexpressible existential experience — psychological basis for understanding the unthinkable. *Theoretical and Experimental Psychology (Teoreticheskaya i Eksperimental'naya Psikhologiya)*, 1(15), 5–23. doi:10.24412/2073-0861-2022-1-5-23

Проблема понимания невысказанного

Недавно в российской психологической науке сформулирована новая проблема психологии понимания — понимания невысказанного. В проведенных исследованиях проанализирована семантика понятия «невысказанное». Показано, что когнитивные составляющие феномена сводятся или к невероятному, невозможному, тому, что трудно представить, или к чрезвычайному, исключи-

тельному по степени проявления. Экзистенциальное значение «невыразимого» связано с принятием или отвержением моральных и социальных норм поведения человека в обществе, с недопустимостью ситуаций, которые понимаются большинством людей как невыразимые. Невыразимое (холокост, теракты, зло) порождается в результате попыток осознать и понять существование, которое абсолютно невозможно помыслить. Непонимание — следствие расхождения экзистенциального опыта субъекта и применяемых им для понимания рациональных схем рассуждений, шаблонов, фреймов.

Выделены три основных значения невыразимого. Во-первых, невыразимым называется непонимаемое, то, что сначала кажется понимающему субъекту невозможным, невероятным, недопустимым, но потом может оказаться понимаемым и даже вполне приемлемым. Невыразимое превращается в мыслимое, непонимаемое становится понимаемым. К примеру, для обычного человека невыразимым является сознательное и рациональное детоубийство. Такой поступок невыразим, непонятен потому, что барьером для понимания оказываются ценностные ориентации цивилизованных людей, для которых на вершине иерархии находится ценность человеческой жизни. Во-вторых, невыразимым является принципиально непонятное, в частности, ответы на вопросы: «Почему именно я заболел ковидом?», «За что мне это?». Они невыразимы потому, что мы не знаем и никогда не узнаем конкретные причины болезни. Бессмысленно искать ответы на вопросы, на которые нет ответов, просто надо осознать, что тайны — неотъемлемая составляющая человеческого бытия. В-третьих, невыразимыми нередко называют известные, понятные сами по себе факты, но анализируемые в редком, неожиданном контексте. Когда люди имеют дело с невыразимым, нельзя однозначно выявить причины и следствия событий и явлений: они детерминированы случайным для понимающего мир субъекта способом. Кроме того, невыразимыми оказываются иррациональные по своей сути события и явления, понять которые люди пытаются с помощью рациональных когнитивных способов рассуждений.

В целом психологический анализ показал, что можно выделить три главные характеристики невыразимого. События и ситуации, которые люди оценивают как невыразимые, характеризуются подавлением иррационального рациональным; выходом за границы привычных нравственных рассуждений, обусловленным невозможностью морального выбора; таким расхождением между знанием и экзистенциальным опытом понимающего мир субъекта, при котором он оказывается в амбивалентной позиции: одновременно надо и нельзя видеть невыразимое. Для субъекта невыразимое — источник умственного напряжения и внутреннего конфликта: есть задача понимания смысла феномена, но нет знаний, умений и навыков для ее решения. Один из способов их получения — использование техники «окон возможностей Овертона», позволяющей найти правдоподобные интерпретации невыразимого в многообразии противоположных точек зрения и позиций (Знаков, 2021).

Цель статьи — проанализировать травматический экзистенциальный опыт как одно из психологических оснований понимания невыразимого.

Экзистенциальная реальность в отличие от эмпирической не объективируема, она не имеет явных референтов в предметном мире (например, какие

объекты обозначают слова «содружество» или «участие»?). К ключевым психологическим феноменам экзистенциальной реальности относятся опыт, переживание, бессознательное, постижение, не имеющие объектных референтов. Для экзистенциальной реальности повторяемость не важна, потому что она состоит из индивидуально неповторимых феноменов. В этой плоскости научного исследования психолог имеет дело с частным и уникальным. Эта реальность человеческого бытия основана на таком единстве познания и переживания, в результате которого порождается опыт, имеющий смысл для субъекта. В опыте и через опыт человек понимает все, что связывает его с людьми и событиями. На экзистенциальном уровне понимание оказывается не столько одной из познавательных процедур (наряду с объяснением, предсказанием и др.), сколько способом бытия человека в мире, дающим ему возможность связывать различные типы знания через неявное знание. Экзистенциальный опыт направляет весь ход жизни человека, осуществляет ценностно-смысловую регуляцию. В экзистенциальном опыте сконцентрировано общее знание субъекта о человеческой природе, фундаментальной прагматике жизни.

Основаниями понимания событий и ситуаций в экзистенциальной реальности являются переживание и опыт. Анализируя экзистенциальную реальность мира человека, исследователи очень часто сталкиваются с невозможностью понимания психологических проблем, основанного только на познавательном знании. В частности, вербально невыразимый травматический опыт нельзя понять на основе знания, его можно только пережить и преодолеть. Подобные проблемы возникают в исследованиях когнитивного и аффективного бессознательного при понимании чужого человека как врага, при анализе принятия или отвержения моральной допустимости аборт, эвтаназии, осознания и переживания терактов и т.п.

События и ситуации экзистенциальной реальности невозможно описать с помощью логически непротиворечивого и вербально выражаемого знания. Поступок или происшествие становятся для человека субъективно значимым событием только в результате осмысления, освоения его на основе экзистенциального опыта. Естественно, что психологически событие формируется где-то на границе достоверного осознаваемого вербализованного знания и экзистенциального опыта субъекта. Ситуация приобретает событийное значение, если она воспринимается как значимая и эмоционально переживаемая человеком. Событийность следует понимать как одну из важнейших характеристик совместной жизни людей в обществе, их со-бытия. Событийность характеризуется насыщенностью эмоционально окрашенными переживаниями и открытиями, значимыми для конкретной личности. Основная характеристика событий и ситуаций в экзистенциальной реальности — их непредсказуемость, внезапность.

Неожиданность и невероятность экзистенциальных событий

Мы живем в таком мире, в котором психологические исследования критических, изменяющих жизнь событий приобретают большое не только научное, но и практическое значение. Трудность и неоднозначность понимания людьми критических событий проявляется во многих сферах человеческого бытия, в которых присутствует конфликт фактов и оценочных суждений. Глав-

ная проблема состоит в том, что очень часто факты и мнения невозможно четко дифференцировать, точно определить то и другое. Примерами критических событий изобилует медицинская этика: пересадка органов, реанимация пациентов, умирающих от старческого слабоумия, и т.п. Особое и, пожалуй, центральное место в психологии человеческого бытия имеют события, возникающие в критические периоды жизни субъекта, т.е. тогда, когда происходит разрыв привычного существования. Это бывает при опасной болезни, утрате близких, страхе смерти у летчиков-испытателей или у обычных людей, которые оказались на месте теракта или техногенной катастрофы. Научно значимыми в этом контексте являются исследования понимания разными категориями людей моральной допустимости эвтаназии, рациональных и эмоциональных оснований выбора у женщин, принимающих экзистенциально трудное решение об искусственном прерывании беременности, самопонимания хирургов, выполнивших неудачную операцию, и т.п. Критические события в жизни каждого из нас (тяжелое заболевание, неожиданная смерть близкого человека и т.п.) имеют очень значимый субъективный смысл. Критическими, нарушающими экологию внутренней среды являются также экстремальные природные факторы — стихийные бедствия и катастрофы, в том числе события, порожденные деятельностью человека, например, неосторожное обращение с огнем (Харламенкова, Никитина, 2020). Событие оказывается для субъекта критическим, если оно внезапно и коренным образом изменяет привычное течение жизни и потому требует от человека принятия решений о качественной реорганизации его бытия, а произошедшие изменения сопровождаются не кратковременными эмоциями, а стойкими аффективными реакциями.

А.О. Прохоров называет такие ситуации необратимыми. Он изучил характерные признаки психических процессов, возникающих у людей, попадающих в такие ситуации: «Так, неравновесное состояние, вызванное необратимой утратой, начинается остро и мощно. Многие описывают начальную стадию как ощущение шока, удара или притупления ощущений (“пустота, все кончено, тяжело, пусто”). В обратимой ситуации ощущения носили менее интенсивный характер: угнетенность, досада, болевые ощущения. В необратимой ситуации субъекты отмечали, что «жизнь как будто разделилась на до и после этого события», “все воспринималось как кошмарный сон», “все в тумане”, “все это происходит не со мной”» (Прохоров, 1998, с. 30). Наблюдаются изменения в психических процессах. Для *памяти* в необратимой ситуации характерна амнезия («ничего не помню», «память отключена») или концентрация воспоминаний на объекте утраты («вспоминала все, что связано с моим братом», «все, что связано с дочкой, ее игрушки, где играла, что носила», «вспоминала глаза, которые хотели жить»). «При необратимых ситуациях (в острый период) опрашиваемые отмечали резкое ухудшение *мышления*: “мысли путались, ни на чем не могла сосредоточиться”, “ничего не соображала”, “черные мысли о целесообразности существования”» (там же, с. 30). В необратимых ситуациях у людей возникает сумбузность *речи*, трудность в подборе слов, причитания, иногда заикание или невозможность говорить. *Внимание* характеризуется высокой концентрацией на объекте или ключевых элементах ситуации: для необратимых ситуаций характерна погруженность в боль, утрату, горе. «Интересны

различия в динамике психических процессов у *мужчин и женщин*. В отличие от женщин течение психических процессов у мужчин было менее эмоционально окрашено. При этом описания мужчин были более логичны, рациональны. Однако для них были характерны более крайние мысли — о самоубийстве и нежелании жить» (там же, с. 32).

В человеческом бытии наиболее распространенные критические события связаны со здоровьем. Например, «онкологическое заболевание несет в себе витальную угрозу. Как показывает опыт общения с онкологическими больными, неожиданность и непонятность возникновения и течения болезни способствуют восприятию ее больным как фатального события его жизни, его существования. Вследствие этого у людей, как здоровых, так и больных, представление о раке сопровождается такими предрассудками и мифами, которые усугубляют драматизм ситуации болезни» (Чулкова, Моисеенко, 2009, с. 151).

Внезапное осознание смертельного заболевания обычно вызывает у человека шок, а невозможность выхода из критической экзистенциальной ситуации часто приводит к различным формам психической дезадаптации. «После шока, вызванного сообщением о диагнозе, больному, чтобы существовать в изменившемся для него мире и принять болезнь, необходимо пройти несколько стадий: отрицание, агрессию, депрессию, попытку “сговора” с судьбой, принятие» (там же, с. 154). В таких случаях характер угрозы является внезапным, неизбежным и неотделимым от экзистенциальной ситуации человека.

Наиболее часто угроза осознается на стадии постановки диагноза опасного для жизни заболевания: «Ситуация постановки диагноза “онкология”, воспринимаемого обществом смертельно опасным, является психотравмирующим событием. Травмирующее воздействие такой ситуации, как и любого психотравмирующего события, сопряженного с угрозой жизни, обладает рядом характеристик:

- нарушает базовую потребность в безопасности, вплоть до угрозы жизни;
- не поддается контролю;
- имеет непредсказуемый результат;
- превосходит возможности человека самостоятельно прекратить это воздействие.

Подобное событие является колоссальной нагрузкой для психики человека из-за чрезмерно переживаемых чувств беспомощности и собственного бессилия» (Голубева, Голубев, 2018, с. 33).

Внезапность, неожиданность диагноза может вызвать у больного страх, возникновение тревоги и отчаяния (Иосифян, Арина, Николаева, 2019). В современной медицине ситуация онкологического заболевания никогда не является до конца ясной для врачей, в ней возможны самые разные варианты течения болезни: «Характер угрозы является неизбежным, неотделимым от человека, внезапным» (Никитина, 2021, с. 110). Неудивительно, что для этой экзистенциальной ситуации типична неопределенность прогнозов на будущее, боязнь скорого смертельного исхода, а также страданий и рецидива. Ситуация тяжелой болезни актуализует в сознании пациента иррациональные формы мышления, потому что она связана с опасностью для жизни, неопределенностью, непредсказуемостью.

Неверно было бы считать, что непредсказуемое, неожиданное происходит только в медицине, такие ситуации характерны и для других областей человеческой жизни, в частности для бизнеса. Очень показательны в этом отношении название книги У. Бернштейна «Манифест инвестора: Готовимся к потрясениям, процветанию и всему остальному». Лейтмотивом книги является идея, что жизнь успешного бизнесмена должна проходить в состоянии «опережения непредсказуемых изменений» (Асмолов, Шехтер, Черноризов, 2018) — как реакции на возможное внезапное снижение курса валют, обвал фондового рынка, разорение компании и т.п. Бизнесмен просто обязан ожидать таких изменений: «К примеру, для тех, кто знаком с крахом Long-Term Capital Management, недавний обвал рынка не был неожиданностью. Предсказать подобные злоключения попросту невозможно, однако важно понимать, что время от времени они случаются, и учитывать это, выстраивая свою долгосрочную инвестиционную стратегию» (Бернштейн, 2010, с. 14).

Готовность к восприятию неожиданных возможностей очень важна в творчестве, рассматриваемом под углом зрения преодоления хаоса как такого преобразования незавершенности мира, которое способствует творческому совершенствованию субъекта: «Хаос в окружающем мире и во внутреннем мире человека — явление амбивалентное. Он может быть результатом распада тех или иных форм жизни и культуры, но он же несет в себе и предвосхищение будущего, неисчерпаемые возможности изменений, обновления, создания еще не бывшего» (Мелик-Пашаев, 2020, с. 25).

Обобщая, можно утверждать, что «человек должен быть готов к восприятию неожиданных возможностей. Большинство людей придерживается жестких стереотипов, заданных генетическими программами и социальной средой, и потому не замечает возможности выбрать другой курс. Жить, руководствуясь исключительно генетическими и социальными инструкциями, можно до тех пор, пока все идет хорошо. Но неизбежно настает момент, когда биологические или социальные потребности индивида оказываются фрустрированы и ему нужно формулировать новые цели, создавать новые возможности для переживания состояния потока, иначе его энергию поглотит внутренний хаос» (Чиксентмихайи, 2011, с. 311–312).

И наоборот, если у человека нет установки на восприятие и понимание неожиданного, то многие социальные ситуации могут вызвать у него не только стресс, но и психические отклонения. Неспособность прогнозировать возможное может приводить к неврозогенезу. На этом положении построена антиципационная концепция неврозогенеза В.Д. Менделевича. В ней ведущим понятием является антиципационная несостоятельность, играющая значимую роль в патогенезе невротических расстройств. «Антиципационная состоятельность (прогностическая компетентность) — это способность личности с высокой вероятностью предвосхищать ход событий, прогнозировать развитие ситуаций и собственные реакции на них, действовать с временно-пространственным упреждением. В свою очередь антиципационная несостоятельность характеризует низкий уровень способностей личности к предвидению развития ситуаций и собственные поступки, в том числе при фрустрации» (Граница,

2018, с. 31). Неожиданность сообщений или неожиданный поворот событий нередко становится поводом для возникновения психической травматизации. В.Д. Менделевич выделяет неспособность прогнозирования событий в угрожающих ситуациях в качестве ведущего механизма неврозогенеза. В рамках этой концепции осуществляется психологический анализ антиципационной несостоятельности у здоровых и больных, мужчин и женщин, людей с выраженной и невыраженной способностью к интуиции и т.п.

Таким образом, неожиданность, невероятность и непредсказуемость — это неизбежные, неустранимые характеристики критических экзистенциальных ситуаций.

Невыразимость экзистенциального травматического опыта

В современной научной литературе наиболее ярким проявлением такого опыта считаются свидетельства выживших узников нацистских лагерей смерти. Холокост, описание его причин, всегда был и остается для стороннего наблюдателя типичным проявлением невыразимого. Вот как пишет об этом один из наиболее глубоких исследователей этой человеческой катастрофы З. Бауман: «Я осознал, что действительно не понимал того, что происходило в “том мире, который не был моим”. Ибо произошедшее там нельзя объяснить тем простым и доступным образом, который я по своей наивности считал достаточным. Я понял, что холокост не просто зловещ и ужасен. Это событие абсолютно непостижимо в привычных “нормальных” понятиях. Оно зашифровано особым образом, и чтобы понять его, требуется взломать шифр» (Бауман, 2010, с. 8). Свидетельства жертв холокоста принято анализировать в терминах посттравматического стресса и травмы. Такой фокус анализа позволяет лучше понять, почему свидетели не могут точно выразить, а нередко и не хотят думать о чудовищных обстоятельствах, которые повлияли на формирование их невыразимого опыта. Такой невыразимый и невыразимый опыт является не только *индивидуальным*, но и *коллективным*. Рассмотрю эти два основания подробнее, но сначала скажу о трех значениях слова «невыразимый», которые приводит Т. Трезис в работе, ставшей уже классической для этой области исследований. Что люди имеют в виду, когда говорят, что Холокост невыразим?

1. Слово «невыразимый» означает «словесно непредставимый», «неописуемый». Сказать, что Холокост невыразим, значит заявить, что это травмирующее историческое событие просто превосходит все имеющиеся в нашем распоряжении средства его вербального представления.
2. «Невыразимое» означает «плохое», «нежелательное» или даже «ненавистное». Его употребляют для характеристики социально неприемлемых явлений или моральных суждений, например, когда люди говорят о «чудовищных злодеяниях Гитлера». То, что невыразимо, — плохо, нежелательно или ненавистно.
3. «Невыразимое» — то, что нельзя произносить. Здесь невыразимое квалифицирует «священный» объект, т.е. объект, о котором нельзя говорить либо потому, что он находится за пределами профанного мира и его языка, либо, потому что говорить на этом языке было бы профанацией (Trezise, 2001).

«Невыразимое» традиционно занимает видное место также в российской философской и литературоведческой проблематике. «Семантика невыразимости является парадоксальным вербальным способом выразить невыразимое, потаенные смыслы, “рационально не постигаемое начало мира” — Сырица, 2009, с. 294» (цит. по: Михайлова, 2018, с. 340). Для человека опыт невыразимой словами психической травмы — это опыт конфликтного отрицания: с одной стороны, он не может его вербализовать, с другой — не может не пытаться сделать это.

Российские и зарубежные ученые неоднократно анализировали проявления невыразимого в произведениях русских писателей и поэтов. «Можно отметить различные по содержанию проявления невыразимого в лирике русских поэтов XIX в. У В.А. Жуковского невыразимое приравнено к божественно-тайному, единству, недостижимому в земной жизни, и подобные смутные ощущения доступны для чувственной сферы каждого человека. Представление о том, что поэты способны ощущать сверхреальное, в отличие от “обывателей”, происходит позже, у Любоумров» (Гатауллина, 2022, с. 71). В лирике М.Ю. Лермонтова «мотив невыразимого порождается чувством разобщенности внутреннего мира человека: поэт отделен от жизни общества, но ему доступно звучание, которое не услышит непосвященный... У Ф.И. Тютчева же невыразимое возникает при столкновении души говорящего с непонятым для него внутренним миром “другого”, а также с целым мирозданием. Поэт намеревается сохранить собственный внутренний мир и возратить прежнюю целостность мира, он старается проявить эмпатию при сохранении индивидуального» (там же, с. 72).

Общим как для писателей, так и для ученых является представление о невыразимости в языке сути вещей и явлений, невозможность передать гармонию природы и жизни человеческой души. Невыразимое указывает на то, что невозможно выразить в словах, и находится на границе, за которой скрывается тайное. В частности, поэтический язык «приближается к некоей тайне, к скрытой от человеческого понимания истине, чтобы автор только удостоверился в непознаваемости мира и причин своего бытия» (там же, с. 73).

После краткого обзора семантики «невыразимого» перейду к анализу невыразимого опыта как компонента психологии понимания невыразимого.

На индивидуальном, личностном уровне осмысления невыразимого опыта свидетельствующий субъект сталкивается с недоступностью своих видений прошлого, кошмаров для сознания и памяти. В лагерях смерти произошли события, о возможности которых раньше никто не мог подумать, они не только изменили привычные способы осмысления мира человека, но и впоследствии качественно преобразовали научные знания о травме. Как отмечает К. Карут, «травма — это не просто патология, но способ или попытка выражения истины. Травматические образы и повторы — это не искажения реальности; скорее, они возникают как следствие чрезмерности увиденного» (Травма: пункты, 2009, с. 561). Сознание выжившего не справляется с осмыслением чудовищности произошедших событий, они являются для него бессмысленными и потому непостижимыми: «Особенность видений из прошлого в том, что они — не просто прямая репрезентация события, подобно буквальному смыслу, но скорее что-то вроде отпечатка или воспроизведения, у которого нет смысла. То, что

передается здесь, — это не просто событие, т.е. нечто, что может быть рассказано обычным образом, но неспособность события обрести смысл, стать частью сознания. Чтобы видеть, надо не осознавать. Видение из прошлого фактически говорит: ты должен видеть, но ты не можешь знать. Видимая “буквальность” образа поэтому есть не репрезентация события, но сила его непостижимости или сопротивляемости осмысливанию. Образ на самом деле говорит: есть что-то, что ты еще не понял» (там же, с. 565).

Коллективный уровень осмысления невыразимого опыта состоит в осознании того, что индивидуальные следы травмы можно и нужно связывать с предшествующей травматизацией родственников травмированного. К. Карут пишет: «К примеру, о ветеранах Вьетнама можно сказать, что они травмированы не только войной, но и теми детскими травмами, для которых военные события стали спусковым крючком; в свою очередь, эти травмы детства имели связь с военными травмами их собственных отцов. В более широком масштабе в одном исследовании было обнаружено, что вероятность травматизации израильских солдат — участников войны в Ливане была на 75 процентов выше, если их родители пережили Холокост» (там же, с. 573). К коллективным причинам не только неумения, но и нежелания рассказывать о пережитом относится и ориентация на принятый в общественном сознании императив молчания о Холокосте, замалчивания прошлых актов насилия. Отказ свидетельствовать является следствием также неспособности друзей и читателей верить в правдивость рассказываемого. Вместе с тем у последних есть групповые основания сокрытия истины: «Можно сказать, что история, которая мне не принадлежит, есть история молчания. И это молчание не является моей собственностью, но несет в себе историю других» (там же, с. 578).

В искусстве, особенно в немногочисленных фильмах о Холокосте, невыразимый опыт представлен как то, с чем невозможно справиться в одиночестве и о чем, может быть, даже не стоит говорить. На поверхностном уровне анализа прошлого это нередко проявляется в попытках не допустить возникновения у зрителя негативных переживаний, заменив их изложением сюжета: «Таким образом, возникшая индустрия фильмов о Холокосте приводит к вытеснению и забвению трагедии, формируя то, что Э. Сантнер называет “нарративным фетишизмом”» (Травма: пункты, 2009, с. 389–407). «Нарративный фетишизм» — способ, который предполагает отказ от скорби. Вместо этого он стирает следы травмы, заменяя траур сюжетным оформлением» (Дремова, 2021, с. 223).

Молчание и осмысление как способы понимания невыразимого

Практически все свидетели ощущают недостаточность возможностей языка для выражения опыта пережитого. Во время свидетельства выжившие узники сталкиваются с невыполнимой задачей: вообразить невообразимое и описать неопишемое. В результате важнейшей составляющей дискурса становится несказанное, воплощенное в молчании. Анализируя еврейско-американскую и арабо-американскую литературу о Холокосте, М.А. Аль-Агбери пишет: «В процессе он пытается преодолеть разрыв между миром, который читатель способен постичь, и миром, который никогда не видел, даже в кошмарах. Чтобы достичь этого, дискурс Холокоста выходит за рамки структурных

ограничений языка и превращается в передаваемый метадискурс молчания» (Al-Aghberi, 2015, p. 61). Молчание выживших само по себе является важным источником информации для психологов: свидетели осознают, что должны говорить, но не знают, как это сделать, потому что после произошедших событий у них нет никакой рассказанной истории, есть только «замороженный» невыразимый опыт. Обращение к опыту трудно еще и потому, что такое действие способствует повторному переживанию того, что хочется забыть: «Учитывая, что у Холокоста две жертвы (те, кто умер, и те, кто выжил), рассказ о травмах для выживших становится своего рода повторным проживанием события; поэтому они умирают дважды. Склонность к невыразимости дает выход, хотя и не может скрыть напряжения между двумя импульсами: импульсом сказать и дать миру знать и противодействующим импульсом подавить рассказ и забыть, чтобы жить нормально. В этот момент проявляется важность молчания как попытки проникнуть в тень переживания» (там же, с. 63). Молчание, разумеется, вызывает трудности в общении, но тем не менее не способствует утрате у говорящего надежды на понимание. Парадоксальность такой надежды отмечает Е.Г. Трубина: «Невыразимость и непостижимость происшедшего часто толкает выжившего на парадоксальную реакцию, в которой неверие в способность окружающих понять то, что он пережил, совмещается с надеждой на такое понимание» (Травма: пункты, 2009, с. 908).

Ученые отмечают, что психология молчания изучает широкий круг психологических феноменов. Они включают молчание как способ саморегуляции, молчание как выражение чувств, молчание как отказ от взаимодействия, молчание, связанное с погружением в себя для саморефлексии или творчества, и другие виды умственной активности (Ожиганова, 2016). За молчанием понимающего мир субъекта скрывается и рациональное, и интуитивное знание (осознанное и бессознательное). Во время молчания у субъекта происходит «переключение внимания, временное прекращение мыслительного процесса, после чего, как правило, возникает, понимание, другое видение, открывается новый путь к решению проблемы, создается возможность для того, чтобы сформулировать рекомендацию, дать совет» (Ожиганова, 2020, с. 90). В дидактике подчеркивается, что молчание по своей природе диалогично, оно направлено на поиск нового смысла путем сопоставления разных смысловых позиций общающихся людей: «Молчание — это всегда “щель” в языке, через которую видна новая реальность. Граница слова и молчания — колыбель, в которой рождается новое знание. Молчание есть пауза, зазор между смысловыми позициями, словами. Человек создает контекст возле некоей лакуны, чтобы ее заполнить. Однако заполнить можно только *выйдя за пределы*, края этой лакуны, совершив “прыжок”. Молчание — “переход”, “прыжок” от одного смысла к другому. Во время “прыжка” нет мысли, лишь после него этот разрыв тут же заполняет мысль, а значит, речь — внутренняя и внешняя» (Король, 2019, с. 9).

Философы и методологи социогуманитарного познания указывают на то, что молчание — неотъемлемый признак мудрости. Молчание важно для мудреца, потому что он понимает, что бытие глубже сознания человека, его слов и мыслей. Мудрец говорит о том, что есть, т.е. о бытии мира и вещей. Обычно мудрец хранит свою мудрость в уединении, для него важно хранить ее. Большой

частью он молчит, а говорит, лишь когда захочет или когда случается что-то из ряда вон выходящее. «В сущности, мудрец мудр и сам по себе, ему не нужно говорить. Ничто не понуждает его говорить, ничто не обязывает его распространять свою мудрость, учить ей или выказывать ее. Этим объясняется то, что мудрец, так сказать, структурно молчалив. А если и говорит, так только если кто-то обратился к нему с вопросом или если в государстве чрезвычайная ситуация» (Фуко, 2014, с. 26–27). Связь молчания с глубинными проблемами человеческого бытия, отражающимися в невыразимом опыте, подчеркивал А.Ф. Лосев: «Мудрецы обошли всю землю и небо, познали все тайны и могут помочь просящему о помощи только одним — молчанием. В этом заключается их мудрость, ибо молчат они не потому, что им нечего сказать, а потому, что им известна суетность всякого слова и мысли, что жизнь гораздо глубже слова и мысли, что и бытие глубже самого человеческого сознания» (Лосев, 1979, с. 374).

Приведенные выше психологические и культурные причины, по которым свидетельства выживших узников концлагерей следует считать попытками выражения невыразимого, для психологов представляют очень значимый материал, приоткрывающий завесу над пониманием того, что первоначально кажется принципиально непостижимым.

Зло: невыразимое или поддающееся рациональному осмыслению?

Как невыразимые, непонятные, иррациональные обычно воспринимаются не только действия, направленные на массовое уничтожение людей. Для большинства из нас неведомыми, непонятными, невыразимыми являются также мотивы поведения и ценностные ориентации модераторов социальных сетей, ведущих планомерную работу по подталкиванию подростков к совершению суицидов. Такими же невыразимыми в обыденном сознании выглядят любые проявления несправедливой агрессии и насилия, в широком смысле называемые «злом»: «Определяя что-то как зло, предполагают, что обсуждаемые действия или события неподвластны обычному человеческому пониманию и располагаются вне границ этики и даже нормального человеческого поведения. Однако зло — результат обычных психологических процессов и их проявлений в поведении» (Ениколопов, 2011, с. 309).

Психологический анализ причин зла вскрывает его множественную детерминацию и соответственно неодинаковые варианты интерпретации. Каждая из перечисленных ниже причин отражает точку зрения людей, понимающих ситуацию как невыразимую.

Во-первых, очевидны различия в *социальных позициях*, определяющих специфику интерпретации преступления. Например, жертва ограбления с применением насилия воспринимает его как шокирующее и отвратительное. Преступник может понимать ситуацию иначе: «ничего личного», он всего лишь хотел завладеть ценностями жертвы. В результате жертва может испытывать гораздо большие страдания, чем мыслил и предполагал преступник. В этом проявляется феномен несовпадения оценки масштабов случившегося жертвой и преступником, обычно не способным посмотреть на ситуацию глазами пострадавшего (Baumeister, Campbell, 1999). Неудивительно, что жертвы часто описывают поведение преступников как проявление чрезмерной беспричинной

жестокости, а преступники указывают на провоцирование со стороны жертв: «Она сама этого хотела, иначе для чего надела такую короткую юбку?» Жертвы категорически осуждают преступников, объясняя произошедшее их негативными моральными качествами. В то же время преступившие закон, признавая свой проступок, обычно указывают на оправдывающие их обстоятельства.

Во-вторых, значимую роль играют *ситуационные факторы* возникновения невыразимой жестокости. Важнейший среди них — коллективная ответственность (точнее, коллективная безответственность), способствующая возникновению новых социальных и моральных норм, допускающих поведение, ранее считавшееся невыразимым. Детальный психологический анализ действия ситуационных факторов на примере жестоких пыток американскими надзирателями заключенных в иракской тюрьме Абу-Грейб осуществил Ф. Зимбардо. Там триггером, пусковым механизмом действия ситуационных составляющих взаимодействия с заключенными послужила инструкция, которую начальство давало подчиненным: «Используйте свое воображение. Сломайте их. Надо, чтобы вы их сломали, когда мы вернемся» (Зимбардо, 2020, с. 544).

В-третьих, то, что одним кажется невыразимым, другие могут совершать во имя вполне *социально приемлемых целей*: «В некоторых случаях люди могут совершать чудовищные преступления и даже массовые убийства для реализации своих положительных идеалов, ценностей группы или утопических проектов. Например, самое большое число жертв в истории было в период сталинских и маоистских чисток. Эти смертельные кампании, однако, были реализацией идеалистических проектов создания утопического общества, основанного на равенстве, разделенном богатстве и достоинстве для всех» (Ениколопов, 2011, с. 322).

Перечисленные три причины жестокости как невыразимого не исчерпывают основания его возникновения и последующей интерпретации: психология агрессии — огромная область психологической науки. Однако они немного проясняют психологию возможного перехода от невыразимого к вербально объяснимому.

Наука всегда стремилась к рациональным объяснениям. Одно возможное объяснение социально-психологических механизмов понимания невыразимого дает технология «окон возможностей» Овертона. Американский политолог Дж.П. Овертон, вице-президент Макинакского центра публичной политики (Mackinac Center for Public Policy), погибший в 2003 г. в авиакатастрофе, описал пять стадий трансформации идей, сначала воспринимавшихся большинством людей как шокирующие, разрушительные, антиобщественные: от невыразимого к радикальному, от радикального к приемлемому, от приемлемого к разумному, от разумного к популярному, от популярного к норме. В результате многочисленных обсуждений идеи понимаются уже как приемлемые и нормативно заданные. Основная гипотеза Овертона состояла в предположении, что для каждой проблемы или идеи в социуме существуют границы, рамки, называемые им «окнами возможностей». На каждой стадии понимания проблемы границы можно изменять, преобразуя область невозможного в сферу обычного и потому морально приемлемого. Сегодня метод окон Овертона применяется в самых разных сферах общественной жизни: в науке для описания

того, какие стадии мышления приводят к принятию ранее отвергаемых идей (Суздалева, 2015); в ходе дискуссий, касающихся проблем переброски ресурсов пресных вод, способных при дальнейшем развитии парникового эффекта предотвратить аномальные наводнения и засухи (Суздалева, Горюнова, 2015); при обсуждении инцеста, гомосексуализма (Володенков, Федорченко, 2015), педофилии (Григорян, 2017), каннибализма (Каткова, 2020) и др. При этом всегда сохраняется пятизвенная структура рассуждений.

Другое возможное объяснение социально-психологических механизмов понимания невысказанного содержится в потрясающих по силе воздействия рассуждениях З. Баумана о человеческой природе и *современном*, а не семидесяти-восьмидесятилетней давности общественном устройстве (Бауман, 2010). По его обоснованному и убедительному мнению, Холокост стал итогом уникального сочетания факторов, которые сами по себе были совершенно банальными и обычными: «Самой пугающей в холокосте, а также в том, что мы узнали о его исполнителях, была не вероятность того, что с нами могли сделать “такое”, но понимание того, что это могли бы сделать мы» (там же, с. 181). Рассуждения Баумана потрясают воображение психолога потому, что из них следует, что невысказанное зло могут совершать не какие-то киношные выдуманные злодеи, а обычные рядовые люди: «Участники операций по умерщвлению и легионы ученых и инженеров, поставляющих им орудия и разрабатывающих процедуры этих операций, люди не злые. Злые люди совершают свои злые действия во все времена. Но таких людей немного, они неуправляемы, они — по современным стандартам — “безумны”» (там же, с. 291).

Книга Баумана не случайно называется «Актуальность холокоста»: в истории человечества нацистское государство — это не прошлое, не дикое, не поддающееся осмыслению исключение. В современном обществе его причины не только не изжиты, но и продолжают жить и оказывать влияние на людей. Основной способ понимания того, как невысказанное превращается в понимаемое, — осознание доминирования в мышлении современного человека рационального над моральным. Доминирование неизбежно вытекает из развития науки и техники: усвоение правил пользования машинами, компьютерами, домашними приборами требует от человека «включения» рационального мышления. Рационализация отодвигает моральные аспекты очень многих проблем в сферу малозначимого, а затем и неосознаваемого. Так происходит сегодня, но так же было в нацистской Германии: «Ни на одном из этапов своего долгого и сложного осуществления Холокост не вступал в конфликт с принципами рациональности. “Окончательное решение еврейского вопроса” никогда не противоречило рациональным методам эффективного и оптимального достижения цели. Напротив, оно возникло из поистине рационального подхода к решению проблемы и было рождено бюрократией, преданной своим принципам и целям» (там же, с. 34). В современном технологическом обществе рациональные действия, их оценка с точки зрения полезного результата, во-первых, приводят к тому, что большинство функционеров бюрократической иерархии могут отдавать команды, не имея полного представления о том, каковы будут их последствия. Во-вторых, физическая и ментальная дистанция от конечного продукта устраняет необходимость морального выбора, подменяя его рассуж-

дениями о технической целесообразности. Появляющиеся в технологическом процессе проблемы стимулируют людей к лучшему, более рациональному планированию, а не к рефлексии и моральной самооценке. С этой точки зрения, эффективность заключается в выполнении рациональной задачи поиска лучших средств для достижения цели, а не ее моральной оценки. Характеризуя эту общественную ситуацию, Бауман пишет: «Среди социальных достижений в сфере управления нравственностью следует назвать следующие: социальное производство дистанции, которая либо аннулирует, либо ослабляет давление моральной ответственности; замена моральной ответственности на техническую, эффективно скрывающую моральную значимость действия; и технология сегрегации и отдаления, вызывающая равнодушие к положению Другого, которое в ином случае стало бы предметом моральной оценки и морально мотивированной реакции» (там же, с. 235). Последовательная реализация «социальных достижений» напоминает психологу стадии трансформации идей в окна Овертона.

В целом изложенные научные точки зрения отражают способы рассуждений ученых о том, что первоначально кажется не только морально неприемлемым, но и рационально невыразимым. Именно описанными выше способами происходит рационализация невыразимого, способствующая его понятной интерпретации. Постепенно становится очевидно, как чудовищные преступления могут совершать не только отъявленные садисты, но и вполне обычные нормальные люди.

* * *

Итак, проведенные ранее теоретические исследования в основном фокусировались на сопоставлении мыслимого и невыразимого, а также на возможностях превращения второго в первое. Были предприняты попытки нахождения рациональных способов превращения невыразимого в приемлемое, допустимое и, в конечном счете, — в принимаемое. На сегодняшний день анализ невыразимого травматического опыта, молчания, осмысления невербализованных смыслов событий представляет собой новый шаг в исследовании проблемы: обращение к психологическим механизмам понимания невыразимого.

Литература:

Асмолов А.Г., Шехтер Е.Д., Черноризов А.М. Преадаптация к неопределенности: непредсказуемые маршруты эволюции. М.: Акрополь, 2018.

Бауман З. Актуальность холокоста. М.: Европа, 2010.

Бернштейн У. Манифест инвестора: Готовимся к потрясениям, процветанию и всему остальному. М.: Альпина Диджитал, 2010.

Володенков С.В., Федорченко С.Н. Окно Овертона — манипулятивная матрица политического менеджмента // Обозреватель. 2015. № 4. С. 83–93.

Гатаулина Д.Н. Невыразимое, непостижимое и непередаваемое в словах: парадокс существования поэтической речи // Известия Уральского федерального университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2022. Т. 28, № 1. С. 70–77.

Голубева О.С., Голубев И.А. Ситуация постановки диагноза «онкология» как психотравмирующее событие // Вестник совета молодых ученых и специалистов Челябинской области. 2018. Т. 2, № 1 (20). С. 33–35.

Граница А.С. Взаимосвязь антиципационной состоятельности и интуитивности при невротических расстройствах (клинико-психологические аспекты): дисс. ... канд. мед. наук. Казань, 2018.

Григорян А.А. Окно Овертона. Политическая концепция Джозефа Овертона // Евразийский журнал региональных и политических исследований. 2017. № 1 (17). С. 24–28.

Дремова Е.Н. Проблема репрезентации травмы и роль искусства в свидетельстве невыразимого опыта // Художественная культура. 2021. № 3. С. 220–240.

Ениколопов С.Н. Психология зла // Психологические исследования духовно-нравственных проблем / Отв. ред. А.Л. Журавлев, А.В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011. С. 308–335.

Зимбардо Ф. Эффект Люцифера. Почему хорошие люди превращаются в злодеев. М.: Альпина нон-фикшн, 2020.

Знаков В.В. Понимание немыслимого // Вопросы психологии. 2021. Т. 67, № 1. С. 3–14.

Иосифян М.А., Арина Г.А., Николаева В.В. Ценности и страхи: связь между ценностными предпочтениями и страхом перед нарушениями здоровья // Клиническая и специальная психология. 2019. Т. 8, № 1. С. 103–117.

Каткова М.М. Развитие субкультуры каннибализма в условиях политической трансформации информационного общества // Грани культуры: актуальные проблемы истории и современности: Мат-лы XIV науч. конф. с междунар. участием (24 октября 2019 г.). М.: Изд. дом «ИМЦ», 2020. С. 263–270.

Король А.Д. Молчание в обучении: методологические и дидактические основы // Педагогика. 2019. № 4. С. 5–15.

Лосев А.Ф. История античной эстетики. М.: Искусство, 1979.

Мелик-Пашаев А.А. Хаос и творчество. В сборнике Психологические проблемы смысла жизни и акме / Под ред. Г.А. Вайзер, Т.А. Поповой, Н.В. Кисельникова. М.: ФГБНУ «Психологический институт РАО», 2020. С. 25–30.

Михайлова М.Ю. Репрезентация невыразимого в лингвокреативной деятельности // Урал. филол. вестн. Серия: Язык. Система. Личность: лингвистика креатива. 2018. № 2. С. 340–343.

Никитина Д.А. Посттравматический стресс у людей разного возраста с угрожающим жизни заболеванием: дисс. ... канд. психол. наук. Москва, 2021.

Ожиганова Г.В. Духовная личность. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2020.

Ожиганова Г.В. Психология молчания и высшие способности: ресурсный подход // Акмеология. 2016. № 4 (60). С. 190–195.

Прохоров А.О. Психология неравновесных состояний. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1998.

Суздаева А.Л. Окна Овертона в сфере естественных и технических наук: мониторинг, информационно-аналитическое сопровождение и возможные сценарии // Естественные и технические науки. 2015. № 8. С. 17–18.

Суздаева А.Л., Горюнова С.В. Окна Овертона в развитии современной концепции биосферы и решении глобальных экологических проблем // Биосфера. 2015. Т. 7, № 4. С. 429–449.

Сырица Г.С. Семантика невыразимого как этнокультурный феномен. В сборнике Славянские языки в современном мире / Г.С. Сырица. М.: МГУ, 2009. С. 294–295.

Травма: пункты / Сост. С. Ушакин и Е. Трубина. М.: Новое литературное обозрение, 2009.

Фуко М. Мужество истины. Управление собой и другими II. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1983–1984 учебном году. СПб.: Наука, 2014.

Харламенкова Н.Е., Никитина Д.А. Психологические последствия влияния стихийных бедствий: экология внутренней среды человека // Экопсихологические исследования-6: Экология детства и психология устойчивого развития: сборник научных статей / Отв. ред. В.И. Павлов. М.: «Психологический институт РАО»; Курск: Университетская книга, 2020. С. 275–279.

Чиксентмихайи М. Поток: Психология оптимального переживания. М.: Смысл; Альпина нон-фикшн, 2011.

Чулкова В.А., Моисеенко В.М. Психологические проблемы в онкологии // Практическая онкология. 2009. Т. 10, № 3. С. 151–157.

Al-Aghberi, M.A. (2015). Telling the Untellable: Dialectic of Silence in Jewish-American and Arab-American Holocaust Discourse. 3L: *The Southeast Asian Journal of English Language Studies*, 21 (1), 61–69.

Baumeister, R.F., Campbell, W.K. (1999). The intrinsic appeal of evil: sadism, sensational thrills, and threatened egotism. *Personality and Social Psychology Review*, 3 (3), 210–221.

Treize, T. (2001). Unspeakable. *The Yale Journal of Criticism*, 14, 39–66.

References:

Asmolov, A.G., Shekhter, E.D., Chernorizov, A.M. (2018). Preadaptation to uncertainty: unpredictable paths of evolution. M.: Akropol'. (In Russ.).

Bauman, Z. (2010). Relevance of the Holocaust. M.: Evropa. (In Russ.).

Bernstajn, U. (2010). Investor's manifest: Gearing up for shock, prosperity and more. M.: Al'pina Didzhital. (In Russ.).

Volodenkov, S.V., Fedorchenko, S.N. (2015). Overton window — a manipulative matrix of political management. *Obozrevatel' (Reviewer)*, 4, 83–93. (In Russ.).

Gataullina, D.N. (2022). Inexpressible, incomprehensible and inexpressible in words: the paradox of the existence of poetic speech. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 1: Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury (Izvestiya of the Ural Federal University. Series 1: Problems of education, science and culture)*, 28, 1, 70–77. (In Russ.).

Golubeva, O.S., Golubev, I.A. (2018). Situation of oncology diagnosis as a traumatic event. *Vestnik soveta molodyh uchenyh i specialistov Chelyabinskoy oblasti (Bulletin of the Council of Young Scientists and Specialists of the Chelyabinsk Region)*, 2, 1 (20), 33–35. (In Russ.).

Granica, A.S. (2018). Vzaimosvyaz' anticipacionnoj sostoyatel'nosti i intuitivnosti pri nevroticheskikh rasstrojstvakh (kliniko-psihologicheskie aspekty): Diss. ... kand. med. nauk. (The relationship between anticipatory consistency and intuitiveness in neurotic disorders (clinical and psychological aspects): dissertation). Ph.D. (Medical sciences). Kazan'. (In Russ.).

Grigoryan, A.A. (2017). Overton window. The political concept of Joseph Overton. *EvrAzijskij zhurnal regional'nyh i politicheskikh issledovanij (Eurasian journal of regional and political studies)*, 1 (17), 24–28. (In Russ.).

Dremova, E.N. (2021). The Problem of Trauma Representation and the Role of Art in Evidence of Unspeakable Experience. *Hudozhestvennaya kul'tura (Art culture)*, 3, 220–240. (In Russ.).

Enikolopov, S.N. (2011). The psychology of evil. In A.L. Zhuravlev, A.V. Yurevich (Eds.), *Psychological research of spiritual and moral problems* (pp. 308–335). M.: Izd-vo "Institut psihologii RAN". (In Russ.).

Zimbardo, F. (2020). Lucifer effect. Why good people turn into villains. M.: Al'pina non-fikshn. (In Russ.).

Znakov, V.V. (2021). Understanding the unthinkable. *Voprosy psihologii (Questions of psychology)*, 67, 1, 3–14. (In Russ.).

Iosifyan, M.A., Arina, G.A., Nikolaeva, V.V. (2019). Values and fears: the relationship between value preferences and fear of health problems. *Klinicheskaya i special'naya psihologiya (Clinical and special psychology)*, 8, 1, 103–117. (In Russ.).

Katkova, M.M. (2020). The development of the subculture of cannibalism in the context of the political transformation of the information society. Facets of Culture: Actual Problems of History and Modernity: Materials of XIV scientific. conf. with international participation (October 24, 2019), pp. 263–270. M.: Izd. dom "IMC". (In Russ.).

Korol', A.D. (2019). Silence in teaching: methodological and didactic foundations. *Pedagogika (Pedagogy)*, 4, 5–15. (In Russ.).

Losev, A.F. (1979). History of ancient aesthetics. M.: Iskusstvo. (In Russ.).

- Melik-Pashaev, A.A. (2020). Chaos and creativity. In G.A. Vajzer, T.A. Popova, N.V. Kisel'nikova (Eds.), (pp. 25–30.) Psychological problems of the meaning of life and acme. M.: FGBNU "Psihologicheskij institut RAO". (In Russ.).
- Mihajlova, M.Yu. (2018). Representation of the inexpressible in linguo-creative activity. *Ural. filol. vestn. Seriya: Yazyk. Sistema. Lichnost': lingvistika kreativa (Ural philological bulletin. Series: Language. System. Personality: linguistics of creativity)*, 2, 340–343. (In Russ.).
- Nikitina, D.A. (2021). Posttravmaticheskij stress u lyudej raznogo vozrasta s ugrozhayushchim zhizni zabolevaniem: Diss. ... kand. psihol. nauk. (Post-traumatic stress in people of different ages with a life-threatening disease: dissertation). Ph.D. (Psychology). Moscow. (In Russ.).
- Ozhiganova, G.V. (2020). Spiritual personality. M.: Izd-vo "Institut psihologii RAN". (In Russ.).
- Ozhiganova, G.V. (2016). The psychology of silence and higher abilities: a resource approach. *Acmeologiya (Acmeology)*, 4 (60), 190–195. (In Russ.).
- Prohorov, A.O. (1998). Psychology of disequilibrium states. M.: Izd-vo "Institut psihologii RAN". (In Russ.).
- Suzdaleva, A.L. (2015). Overton windows in the field of natural and technical sciences: monitoring, information and analytical support and possible scenarios. *Estestvennye i tekhnicheskie nauki (Natural and technical sciences)*, 8, 17–18. (In Russ.).
- Suzdaleva, A.L., Goryunova, S.V. (2015). Overton windows in the development of the modern concept of the biosphere and the solution of global environmental problems. *Biosfera (Biosphere)*, 7, 4, 429–449. (In Russ.).
- Syrica, G.S. (2009). The semantics of the inexpressible as an ethnocultural phenomenon. In G.S. Syrica, (Eds.), (pp. 294–295.) Slavic languages in the modern world. M.: MGU. (In Russ.).
- Travma: punkty. (2009). In S. Ushakin, E. Trubina (Eds.). M.: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russ.).
- Fuko, M. (2014). The courage of truth. Managing yourself and others II. A course of lectures delivered at the College de France in the academic year 1983–1984. SPb.: Nauka. (In Russ.).
- Harlamenkova, N.E., Nikitina, D.A. (2020). Psychological consequences of the impact of natural disasters: ecology of the human internal environment. In V.I. Panov (Eds.), *Ecopsychological research-6: Childhood ecology and the psychology of sustainable development: a collection of scientific articles* (pp. 275–279). M.: "Psihologicheskij institut RAO"; Kursk: Universitetskaya kniga. (In Russ.).
- Chiksentmihaji, M. (2011). Flow: The Psychology of Optimal Experience. M.: Smysl: Al'pina non-fikshn.
- Chulkova, V.A., Moiseenko, V.M. (2009). Psychological problems in oncology. *Prakticheskaya onkologiya (Practical oncology)*, 10, 3, 151–157. (In Russ.).
- Al-Aghberi, M.A. (2015). Telling the Untellable: Dialectic of Silence in Jewish-American and Arab-American Holocaust Discourse. 3L: *The Southeast Asian Journal of English Language Studies*, 21 (1), 61–69.
- Baumeister, R.F., Campbell, W.K. (1999). The intrinsic appeal of evil: sadism, sensational thrills, and threatened egotism. *Personality and Social Psychology Review*, 3 (3), 210–221.
- Treize, T. (2001). Unspeakable. *The Yale Journal of Criticism*, 14, 39–66.

Статья получена 14.04.2022;
отредактирована 22.04.2022;
принята 16.04.2022

Received 14.04.2022;
revised 22.04.2022;
accepted 16.04.2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Знаков Виктор Владимирович — доктор психологических наук, главный научный сотрудник Института психологии РАН, znakov50@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0002-4594-051>

ABOUT AUTHOR

Viktor V. Znakov — Doctor of Psychology, Professor, Senior Researcher, Institute of Psychology of RAS, znakov50@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0002-4594-051>